
Светлана МОСОВА

РАССКАЗЫ

из цикла «Картинки конца столетия
с бабочкой в правом верхнем углу»

ЯРОСЛАВА

...И когда из изящного японского транзистора прозвучало сообщение о безвременной кончине малолетнего наследника российского престола, Слава, ожидающая в фойе гостиницы деловой встречи, вдруг почувствовала ком в горле и, не справившись с ним, разрыдалась.

Хотя, казалось бы, ну что ей, флегматично зарабатывающей на жизнь продажей матрешек интуристу, было до наследника российского престола? Да ничего, кроме царственного имени «Ярослава». Конечно, само по себе было жаль ребенка, это бесспорно, но... Было еще что-то, нечто, быть может, на генетическом уровне, кто знает... В общем, так или иначе, но Слава заплакала.

Сидящий напротив японец, хозяин изящного транзистора, завидев Славины слезы, встрепенулся.

— Что случилось?!. — спросил он по-английски. — Могу ли я чем-то вам помочь?

Слава не ответила, не умея справиться со слезами, да и чем он мог помочь, чужак, горю Славы, утратившей царя пусть и несуществующего царства, и горю ее неприканной страны?!. К тому же, будучи хозяином этого транзистора, он в глазах Славы был в какой-то мере ответчиком за дурную новость.

Однако японец упорствовал. И Слава, немного успокоившись и мобилизовав весь свой английский словарный запас, стала объяснять японцу необъяснимое.

Японец, услышав ответ Славы, был потрясен до глубины души горем этой юной монархистки, ее бурным выражением верноподданнических чувств и, к удивлению Славы, прослезился сам.

Оказалось, что он фанат России и, в частности, русского языка, которым он не владел в совершенстве. Но тем не менее его транзистор был настроен на русскую волну, так как сам язык улаждал его слух и душу, и когда прозвучало траурное сообщение,

---

Светлана Мосова — член Союза российских писателей, Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза журналистов. Редактор и сценарист телеканала «Санкт-Петербург». Автор шести книг и более пятисот телевизионных программ. Сценарист документальных циклов «Это город Ленинград», «Малые родины большого Петербурга». Лауреат премии имени Екатерины Дашковой, двукратный финалист премии «Золотое перо», шорт-лист премии «Новая словесность». Повести и рассказы публикуются в «Литературной газете», журналах «Нева», «Звезда», многочисленных литературных сборниках и альманахах, звучат на радио «Россия». Рассказы переведены на немецкий, датский, польский, словацкий, китайский, турецкий языки. Проза автора изучается в лингвистическом аспекте в Санкт-Петербургском университете.

японец, ни бельмеса не понявший его трагической сути, как раз наслаждался мелодией милой его сердцу русской речи.

Теперь же, устыдившись и осознав, какую тяжелую утрату понесла Слава, японец пожелал вывернуться наизнанку, но что-то сделать для этой юной монархистки. Но — что?!

И недолго думая, он вытащил из кармана пачку денег и протянул их Славе.

Слава остолбенела.

— Что это?! Зачем?! — не поняла она.

— От всей души! — объяснил он.

Слава смутилась. Наотрез покачала головой. Возьмите, горячо просил ее японец, это деньги России! Я выиграл их вчера в казино, но это деньги вашей страны, и я не имею морального права увозить их с собой! Возьмите! От всей души.

Славу, зарабатывающую на жизнь далеко не самым изящным способом, это покорило. Что-то было не так, какая-то неуместность, неравноценность — Бог его знает, что это было, но Слава твердо сказала:

— Нет.

И тогда японец пригласил ее на русскую оперу.

— Может, на балет? — предложила Слава.

Нет, нет, только в оперу! В балете не поют, а ему желательно слушать русскую речь. Оперу и Славу. И пусть Слава расскажет о себе, кто она такая и чем занимается. Слава подумала и ответила:

— Бизнесом.

— О! — одобрил японец. — А каким?

И Слава опять смутилась. Ну не то чтобы смутилась, а так... Потому что она могла быть ученым, инженером, строить корабли и верфи, она могла стать знаменитой спортсменкой и держать олимпийский факел (ей бы пошло!), она могла быть кем угодно, потому что у нее были хорошие гены. Но время не востребовало ее талантов. Верфи не строили, корабли и подавно, на дворе стояли девяностые, и этим все сказано.

— А кто ваши родители?

— Папа — ученый, изобретатель.

— О! — с уважением сказал японец. — Вы из богатой семьи.

Слава промолчала, не уточнив, что из всех богатств на земле безработный ученый и изобретатель владел лишь одним — духовным.

А какая ее любимая книга?

Учебник физики.

— О-о?! — японец был потрясен.

А ни к чему это — над вымыслом слезами обливаться. Вот книгу о Ван Гогге Слава прочла с большим вниманием: потому что Ван Гог был. А Татьяны Лариной не было. И Золушки не было. Зачем же переживать зря и портить нервы?

Японец смотрел на Славу с восторгом. Мечта его сбылась. Не то чтобы японец думал, что по Невскому бродят сплошные Татьяны Ларины, но какое-то торжественное ожидание было. И вот — Слава! «...Молчалива, как Светлана, вошла и села у окна...»

И Слава вошла в образ — образ был по ней, лег, как платье-экслюзив, нигде не топорщилось и не жало. А может, это и был ее настоящий образ? И Татьяна Ларина все же была?

И они бродили по Летнему саду, по Невскому, по Рождественским улицам, а на следующий день японец улетел, оставив у консьержа Славе конверт. В конверте была та самая пачка денег и записка: «Дорогая Ярослава! Я бесконечно благодарен вам

за город, который вы мне подарили, и это навсегда останется в моей душе. Мне очень хотелось бы сделать и вам на память подарок, но я боюсь ошибиться в выборе, поэтому оставляю вам право выбрать самой. Пусть он принесет удачу и счастье».

И Ярославла подарила себе от японца Париж. Конечно, Париж.

А Париж оказался кулоном с секретом: Слава открыла, а там Гера.

Гера был из семьи музыкантов. У него был абсолютный слух, и все языки он схватывал на лету. С таким талантом он мог бы стать прекрасным переводчиком, известным дипломатом, на худой конец просто шпионом. Но он притворялся агентом по продаже недвижимости, менеджером и даже брачным маклером. А что? Дело нужное, живое, женихи искали по белу свету невест, невесты женихов, и Гера успешно подсоблял Гименею. И Гименей оценил работу, подсуетился и в конце концов за верную службу наградил Геру, посадив его в самолете рядом со Славой.

Слава, кстати, была в статусе невесты. И так понравилась Гере, что Гера послал всех клиентов и предложил Славе себя.

Славе тоже понравился Гера. Он был похож на Розенбаума, как если бы тот бросил гитару и с головой ушел в коммерческие структуры, не отягощенные вокалом. Но важна была сама порода. А порода была хорошая. Дорогая.

В общем, они поженились.

Потому что когда мы любим человека, прочла где-то в художественной литературе Слава, мы видим его таким, каким его задумал Бог. И это было точно и правдиво, как закон о всемирном тяготении.

Такой подарок преподнес Славе японец.

...И вот она сидит на скамейке в сквере, смотрит на свою играющую в песочнице доченьку с диадемой в пышных волосах, маленькую царевну, и — думает... О чем? О времени и о себе. А может, о доченьке. Что она унаследует чистый кристалл таланта давших ей жизнь родителей — абсолютный музыкальный слух своего отца и выдающиеся способности к физике своей матери. И время не потребует от нее коррекции и искажений ее родовых талантов, и счастье ее будет прочным, как храм Спаса на Крови.

И только подумать, что всего этого могло и не быть, если бы в то далекое утро мир не облетела трагическая весть о преждевременной кончине наследника российского престола...

КОЗЛИНАЯ ПЕСНЬ

Такое круглое это имя — «Лора»...

Когда-то в юности ей нагадали, что жить она будет у моря, и это показалось тогда забавным Лоре, потому что она и так жила в Одессе, а Одесса, как известно и без гадалки, стоит у моря.

Ах, Одесса!..

Одесситки все пышные, зычные — палец в рот не клади («Чего ржешь?! Зубы простудишь!»), смелое сочетание цвета в нарядах (или — несочетание, но все равно — смелое!), непосредственность и неодолимая тяга к общению («Дама, что с вами, вы плохо выглядите!» — «На себя посмотри!»). Приезжий хохочет, рискуя простудить эти самые зубы и удивляя одесситов, для которых юмор и острое слово обычны, как запах свежей рыбы, пропитавший воздух Одессы.

Теперь Одесса не та. Но одесситы, где б они ни были — те же. Одесский дух не выветривается даже через годы.

Вот Лора, например.

По-южному яркая, пышная, разноцветная — как праздник, как декада культуры Одессы в бледнолицем Питере: косметика — монументальная роспись, одежда — взрыв цвета, на руках — кутерьма браслетов, своей массивностью наводящая на мысль о самообороне: шарахнешь такой дланью нахала — и дух вон! Равнодушных взглядов не было. Может, и были, но мы о них ничего не знаем. (И знать не хотим.)

— Ты плохо выглядишь, — обычно говорит Лора при встрече. — Что с тобой? Ты не болен?

Как многие пышные женщины, Лора считает, что все остальные особи непомерно худы и бледны, и она переживает вслух, что несчастный вот-вот обломится — прямо на ее, Лориных, глазах. Одесса всегда была столицей юмора, однако никогда не была столицей такта и хорошего тона, но Лора по этому поводу не переживает.

Приятелю после слов Лоры действительно становится не по себе, и Лора незамедлительно дает ему советы, коих у нее всегда было великое множество.

В частности, Лора ведала, как остановить катастрофический процесс выпадения волос, которого так боятся мужчины — блондины и брюнеты, умные и неумные, с юмором и без, — но никто почему-то не желал мазать свою не защищенную волосами макушку голубиным пометом. От астении надо было есть мухоморы. И как можно больше. Не верите?! А вы попробуйте!..

Но и пробовать никто не желал. Козлы.

«Козлами» Лора называла особей мужского пола. Всех. Без исключения. Разница была лишь в интонации: от осудительной до товарищески нежной.

— Ну, ты козе-ел! — говорила Лора, и если это был новенький, то любезно добавляла: — Только ты не обижайся.

У новичка натурально шок. Но человек привыкает ко всему — привыкали и к Лоре. Потом даже стало нравиться, ибо «козел» символизировало некую степень близости, потому что, понятно, чужому такого не скажешь. (Хотя Лора может.)

Причем сдачи Лоре за «козла» никто не давал — да и Лора бы не взяла. А если и намечались смельчаки — они тут же изгонялись в стан врагов, и возврата оттуда не было, все.

Несомненно, в назывании всех «козлами» было скрыто не очень скрываемое отношение Лоры к человечеству (мужчинам, в частности) — ее, скажем так, невывышенная оценка. И даже на своих знаменитых картинах (а Лора рисовала исключительно обнаженных красавиц в солнечных бликах!) если и появлялся мужской индивид, то обязательно козел. Критики видели в этом связь с античностью. Новаторство и традиции.

...Впервые Лора предстала моему восхищенному взору на сборе грибов. До этого были легенды и мифы о Лоре, передаваемые из уст в уста козлами и козличами. Например, как Лора (чемпион на Фонтане по ловле бычков!) таскала из Черного моря одну рыбину за другой, пока нежная Люся валялась в обмороке на дне лодки, но невзирая на такое неудобство (Люсю, в смысле), Лора держалась за удочку до победного конца. Или же как Лора украшала свой пентхаус глыбами камней, самолично вытаскивая их из пучины Финского залива и волоча на свой восемнадцатый этаж. «Ка-ка-я женщина!!!» — в восторге кричали мужчины. Козлы.

Ну так грибы.

А надо сказать, что сбор грибов для Лоры — не развлечение, а дело серьезное: добыча питания, заготовка продуктов на черный день. Представляется это так: наводне-

ние, пожар, землетрясение, кто куда, а Лора к бочке с грибами. Возможно, это было на генетическом уровне, установка, переданная Лоре старшими поколениями, хлебнувшими лиха на пути свершений и созиданий. Так или иначе, но в доме у нее не лентяйничали три холодильника, и Лора принимала гостей по-южному широко, щедро, да и по Лоре было видно, что пища идет ей впрок («Вот гадина!» — должна сказать здесь Лора).

Грибы же были особой страстью Лоры, и вид у нее в лесу был эффектный и устрашающий, как перед боем: малиновый газовый шарф на шее, сапоги, черный прикид, сигарета в красных губах, три корзины, нож за поясом. Грибы, завидев Лору, должны были не думать о пощаде, а сразу сдаваться в плен.

— Ты, Лоркин, как Маленькая разбойница из «Снежной королевы»! — сказала тогда нежная Люся.

Лора выпустила дым из ноздрей, и все промолчали, не став развивать тему, потому что если Лора и напоминала разбойницу, то очень большую.

В следующий раз мы встретились на крестинах в церкви. Лора предстала в дорогих мехах и, небрежно скинув их на меня, воззрилась на подметающего пол послушника с огромным фингалом под глазом.

— За веру, должно быть, пострадал, — подумав, сказала Лора.

Батюшка, крестивший дитя, был красив, элегантен, статен, одна беда: дергалась щека, и Лора все крепилась, как бы не дать ему рецепт, народное средство, от тяжелого недуга, а рецептов на все случаи жизни, как мы уже знаем, у Лоры было великое множество.

Батюшка предложил крестить новорожденную именем «Ариадна», и все одобрили, но практичная Лора спросила:

— А что оно означает?

— Верная в браке, — был ответ.

И Лора запротестовала:

— Ну, не-ет!.. Зачем это надо?! Девочке?! Жизнь сложна, да мало ли... А вдруг попадется козел? И что, храни ему верность?! Она еще нас, чего доброго, проклянет!..

Красивое имя «Ариадна» было решительно отвергнуто.

Время спустя я посетила Лору.

— Ты плохо выглядишь, — приветствует меня Лора. — Заходи.

А Лора выглядит, как всегда, хорошо: грозди серег свисают с ее ушей, не ровен час — рухнут, покалечив плечо; в руках, густо перебинтованных браслетами, молоток и гвозди — кому-то, может, и мешали бы эти сокровища делать ремонт, но не Лоре: Лора без них как голая. Незащищенный человек. (А мир жесток, и Лора должна быть защищена.)

— Рада тебя видеть, — без энтузиазма говорит Лора. — А думаю, какой козел звонит в дверь...

А козлов много: стан друзей вновь смешался со станом врагов, рана своим вероломством гордую, высокомерную и нежную Лору, но где-то, намекает Лора, у нее есть настоящие друзья, верные, достойные, и с ними, мнится, Лора чутка, мягка и называет их не иначе как «лелями и газелями»... Мы, козлы, их не стоим.

Да, ну так о гадании.

Предсказание гадалки сбылось в лучшем виде. Лорин дом стоит в тридцати метрах от набегающей волны Финского залива, сама же квартира Лоры — дендрарий, оазис, вечное лето... Кругом ее прекрасные картины, на которых возлежат красавицы в морских брызгах, щебечут райские птицы, а вокруг пасутся козлы (это гости).

Для приближенных — особая честь! — выход на крышу: там сад-огород, похожий на гигантскую икебану, где рядышком чудно уживаются пионы и сельдерей, петрушка и сад камней — тех самых, вытасненных из пучины. И на фоне всего — Лора, богиня плодородия! — гости просто подавлены красотой. А небо горбушкой, солнечный шар, и птицы задевают крылом!..

— У тебя есть старая крупа? — спрашивает Лора.

— Не знаю... А зачем тебе?

— Для птиц.

Душа переполняется восхищением: прекрасная Лора! Кормит птиц!.. Как это красиво должно быть: небо от края до края, водяная гладь, солнце, пионы, и Лора, как Деметра, стоит над городом, среди облаков, и кормит Синюю птицу!..

— Прикармливаю, — уточняет Лора.

То есть?

— Ну а где брать удобрение?! А тут птичий помет — селитра все же.

Вот, значит, как: птички птичками, а селитра селитрой. Удобрение для петрушки, макушки и прочих очень важных вещей.

— Завтра мне не звони, — на прощание говорит Лора.

— И не собиралась. А что будет завтра?

— Фильм «Фантомас». Все серии. Я отключу телефон.

Хохочу.

— Чего ржешь, зубы простудишь, — говорит Лора.

— Я напишу о тебе рассказ, Лоркин, можно?

— Не надо, — твердо отвечает Лора. — А то мы поссоримся.

Прошло много лун.

Жизнь любого человека — это древнегреческая трагедия, потому что кончается смертью. А «трагедия» в переводе с мертвого языка — это «песнь козла».

И вот мы стоим и поем козлиную песнь. Тебе, Лора. Ты красива на последнем земном ложе, ты антична, но...

Тут что-то не так.

Чтобы гордая, властная, своенравная Лора вдруг застыла в кротости и смирении — этого не может быть!

— Вы что, с ума сошли?! — должна была, восстав с одра, вскричать Лора. — Вот козлы!

Но она впервые молчала, возвысившись над нами, как и мы в положенное время возвысимся сами над собой.

Прощай, Лора.

Свидимся.